

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 146—156.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 146—156.

Научная статья

УДК 930.1

EDN <https://elibrary.ru/wcxifb>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.8

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

ЛЕВ КОПЕЛЕВ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Борис Львович Хавкин

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия, novistor@mail.ru, SPIN-код: 6830-2158,

<https://orcid.org/0000-0002-4419-3639>

Аннотация. Российское интеллигентоведение находится в долгу перед культурологом, историком, писателем, переводчиком немецкой литературы Львом Зиновьевичем Копелевым (1912—1997). В течение многих лет Лев Копелев настойчиво и убедительно выступал за поиск исторического взаимопонимания между русскими и немцами — российско-германский диалог культур. Несмотря на публикацию в России исторических источников по проблеме российско-германского диалога культур, в частности материалов Вуппертальского проекта, и издание работ Копелева, его роль в установлении и развитии диалога между Россией и Германией по актуальным вопросам истории и современности всё еще нуждается в дальнейшем изучении. Привлечению внимания к этой проблеме посвящена наша статья.

Ключевые слова: Л. З. Копелев, российско-германские отношения, Вуппертальский проект, диалог культур

Для цитирования: Хавкин Б. Л. Лев Копелев и диалог культур // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 146—156.

LEV KOPELEV AND THE DIALOGUE OF CULTURES

Boris L. Khavkin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
novistor@mail.ru, SPIN: 6830-2158, <https://orcid.org/0000-0002-4419-3639>

Abstract. Russian intellectual studies are indebted to the cultural critic, historian, writer, and translator of German literature Lev Zinovievich Kopelev (1912—1997). For many years Lev Kopelev persistently and convincingly advocated the search for historical understanding between Russians and Germans — the Russian-German dialogue of cultures. Despite the publication in Russia of historical sources on the problem of the Russian-German dialogue of cultures, in particular, the materials of the Wuppertal project, and the publication of Kopelev's works, his role in establishing and developing a dialogue between Russia and Germany on topical issues of history and modernity still needs further investigation. Our article is devoted to drawing attention to this problem.

Keywords: L. Z. Kopelev, Russian-German relations, Wuppertal project, dialogue of cultures

For citation: Khavkin B. L. (2025), ‘Lev Kopelev and the Dialogue of Cultures’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 146—156 (in Russ.).

Имя Льва Зиновьевича Копелева — выдающегося германиста, литературоведа, историка, переводчика, ветерана Великой Отечественной войны, узника ГУЛАГа, политического изгнанника — относительно недавно было возвращено российской общественности.

Л. З. Копелев в 1938 году окончил Московский институт философии, литературы и истории, в 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Драматургия Шиллера и проблемы революции». С началом Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт. Майор Копелев служил старшим инструктором 7-го отдела Политуправления 2-го Белорусского фронта. Он участвовал в пропагандистской работе по разложению войск противника, писал антифашистские листовки, выступал на линии фронта с радиообращениями к немецким солдатам. Весной 1945 г. Копелев убедил гарнизон немецкой крепости Грауденц в необходимости сдачи в плен.

5 апреля 1945 г. Копелев был арестован за «сочувствие к противнику». Освобожден 4 января 1947 г. 17 марта 1947 г. снова арестован и 4 мая 1947 г. осужден по прежнему обвинению; приговорен

сначала к трем, а затем к 10 годам заключения (в дальнейшем срок сокращен до 6 лет). В «шарашке» Марфино Л. З. Копелев сидел вместе с А. И. Солженицыным, став прототипом Льва Григорьевича Рубина в романе «В круге первом». 7 декабря 1954 г. Копелев был освобожден, в 1956 г. реабилитирован с восстановлением в коммунистической партии. Вскоре был принят в Союз писателей СССР (1959).

В 1950-е — 1970-е гг. Копелев активно занимался научно-исследовательской и переводческой работой, читал лекции по немецкой литературе. Он помогал А. И. Солженицыну в подготовке публикации повести «Один день Ивана Денисовича» и выступал в защиту диссидентов.

В 1960 г. вышла в свет книга Копелева «Сердце всегда слева». Затем были написаны книги «И сотворил себе кумира» (1978), «Хранить вечно» (1975; в СССР опубликована в 1990), «Утоли моя печали» (1981). В 1968 г. Копелев был уволен из Московского института истории искусств и исключен из КПСС за статью «Возможна ли реабилитация Сталина», вышедшую в свет в венском коммунистическом журнале «*Tagebuch*». С 1971 г. Копелев регулярно публиковался на Западе. В 1977 г. он был исключен из Союза писателей СССР.

В 1980 г. Копелев с женой Раисой Орловой по приглашению писателя Генриха Бёлля выехал на год в ФРГ для работы в архивах и чтения лекций. Через два месяца после прибытия в Западную Германию Копелев и его жена были лишены гражданства СССР (советское гражданство им вернуло в 1990 г. М. С. Горбачев). С 1981 г. Копелев — профессор-исследователь при Бергском университете г. Вуппертала; инициатор и руководитель «Вуппертальского проекта» — истории взаимного узнавания русских и немцев от Средневековья до XX в.

В 2002 г. в России вышел в свет труд «Лев Копелев и его Вуппертальский проект» [Копелев, 2002]. Книга представляет собой первую попытку изложить основные факты биографии выдающегося гуманиста и мыслителя XX века, дать представление об итоговом труде его жизни — многотомном издании «Западно-восточные отражения» и концепции диалога культур.

Диалог культур — это процесс взаимодействия, взаимовлияния, взаимопроникновения культур разных стран и народов, формирование

общего культурного пространства и общечеловеческих духовных ценностей. Русский философ М. М. Бахтин писал: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает себя, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила; мы ищем в ней ответы на наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [Бахтин, 1979: 334—335]. В этом состоит ключевое понятие диалога культур. Для Бахтина диалог всеобъемлющ: «Где начинается сознание, там начинается диалог» [Там же: 183].

Копелев в своем понимании диалога культур развивал концепцию великого немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гёте: «Нужно узнавать особенности каждой нации, чтобы примириться с ними, вернее, чтобы именно на этой почве с нею общаться; ибо отличительные свойства нации подобны ее языку и монетам, они облегчают общение, более того, — они только и делают его возможным. Поистине, всеобщая терпимость будет достигнута лишь тогда, когда мы дадим возможность каждому отдельному человеку или целому народу сохранить свои особенности с тем, однако, чтобы он помнил, что отличительной чертой истинных достоинств является их причастность всечеловеческому». Слова Гёте: «Не может быть и речи о том, чтобы нации думали согласно, но они должны узнать друг друга, понять друг друга, и если они не могут любить, то хотя бы научиться терпеть друг друга», — стали девизом жизни и деятельности Копелева [Гутнин, 1994: 9].

Копелев считал, что единственным условием сохранения жизни на планете является единство науки, политики, экономики и морали [Копелев, 2002: 212]. Для этого необходимо искоренение «образа врага» по отношению к другим народам. Копелев отмечал невозможность обобщающих суждений о народах и нациях, которые унаследованы или возникли в экстремальных исторических ситуациях. Ключом к преодолению вражды является возврат человеческого лица каждому народу, изучение его культуры, уважение

к ней и ее наследию. Советский поэт Е. А. Евтушенко писал: «Сам Копелев понимал себя как посредника между культурами в Германии и России, и именно в этом качестве он прочно запечатлелся в памяти многих людей» [Евтушенко, 2004: 470].

Воплощением русско-немецкого диалога культур стала дружба Льва Копелева и немецкого писателя Генриха Бёлля. Их беседы на телевидении [Böll, Kopelew, 1981] и многолетняя переписка [Бёлль, Копелев, 2017] стали знаком взаимопонимания и взаимообогащения русской и немецкой культур и проложили путь к взаимному примирению наших народов [Хавкин, 2017: 240]. Копелев писал: «Войны сегодня еще больше, чем раньше, начинаются государствами, а доставляют страдания народам. Единственное, что мы можем сделать против этого, — рассказывать правду о том, что было, и о том, что есть, чтобы люди лучше узнали друг друга... Необходимо сделать всё, чтобы не возникла психология войны. Думать об общем, об общих жертвах, об общем страдании. И это должно нас объединять, а не разделять» [Бёлль, Копелев, 2016: 144—145]. Копелев был уверен, что у русских и немцев гораздо больше причин для дружбы, чем для вражды, и что рвы, оставленные двумя мировыми войнами, можно преодолеть, к чему он и приложил немало усилий. Под его руководством немецкими и русскими учеными был создан фундаментальный многотомный труд «Восточно-европейские отражения» («Вуппертальский проект»), раскрывающий историю взаимоотношений России и Германии с глубокой древности до конца XX в.

В 1981 г. Лев Копелев, живший в Кельне на правах вынужденного эмигранта из СССР, выступил с почином, который не имел себе равных в мировой гуманитарной науке: он предложил создать многотомный труд, отразивший не только развитие российско-германских межгосударственных отношений, но — прежде всего — отношений наших народов друг к другу на протяжении IX—XX столетий. Сам замысел был грандиозным и дерзким. В нем счастливым образом соединились русские размах и всемирная отзывчивость, немецкие исполнительность и аккуратность.

В течение нескольких месяцев план, получивший название Вуппертальского проекта, обсуждался в официальных инстанциях ФРГ. Весной 1982 г. была утверждена его концепция и открыты пути финансирования. Организационной базой проекта стал незадолго

до этого основанный Вуппертальский университет, профессором которого был избран Копелев. Официальное наименование труда (входящее к терминологии Гёте) было определено следующим образом: «Западно-восточные отражения» — а его корпус разделен на две серии: «Россия и русские глазами немцев» и «Германия и немцы глазами русских» [Spiegelungen, 1985—1998]. Уже в самой идее Вуппертальского проекта была заложена идея «диалога культур»: диалога между Россией и Германией, диалога внутри русской культуры, диалога внутри немецкой культуры.

Копелеву удалось сформировать коллектив талантливых и эрудированных единомышленников (Д. Херрман, К.-Х. Корн, М. Келлер, М. Классен, Г. Кёнен) и сделать в относительно короткий срок то, что было бы в иных условиях под силу научному институту с-solidным штатом сотрудников. Началась интенсивная работа по осуществлению замысла «Западно-восточных отражений». В 1985 г. вышел первый том серии «Немцы о русских», в 1988 г. — первый том серии «Русские о немцах». Всего при жизни Копелева было выпущено или подготовлено к печати в свет десять томов первой и второй серий, охватывающих период от эпохи Киевской и Новгородской Руси до первых десятилетий XX века. Эти результаты позволяют оценить Вуппертальский проект как одно из важнейших научных достижений XX века в гуманитарной сфере.

Принципиальная новизна проекта — в его синтетической природе: в его реализации участвуют историки, переводчики, культурологи, философы, литературоведы. Исследовательские методы, выбранные авторами «Западно-восточных отражений», отвечают потребностям современного теоретического знания. Речь идет, прежде всего, о компаративном изучении прошлого, об антропологическом измерении истории, о соотношении локальной и универсальной истории.

В центре внимания Копелева не только позитивные примеры российско-германских культурных коммуникаций, но и анализ коллективных представлений, приведших (в обеих странах) к формированию устойчивых «образов врага». Свою главную задачу Копелев и его сотрудники видели именно в преодолении вражды между народами. «Наша задача скромна, — писал Копелев. — Мы хотим познавать и познанное излагать объективно; объяснить для того, чтобы способствовать просвещению: пробудить

взаимопонимание между людьми и между народами... Разумеется, мы не питаем никаких иллюзий относительно возможности непосредственного влияния в обозримом будущем на распространенные представления о чужих. Однако мы надеемся, что и в Германии, и в России люди начнут, наконец, извлекать уроки из собственной истории. Они должны это сделать, чтобы история человечества не завершилась глобальным саморазрушением» [Копелев, 2002: 116]. Копелев прекрасно понимал, сколь трудны пути, ведущие к сотрудничеству, взаимообучению и взаимопониманию народов, особенно в современных условиях, когда ксенофобия «угрожает существованию целых наций и всего человечества» [Там же: 114]. Руководитель многотомного коллективного труда был твердо убежден в том, что дух дружественных отношений между Россией и Германией «мог бы действительно оздоровить мир» [Там же: 168].

Среди опубликованных в книге статей Копелева хотелось бы отметить текст о контактах Германии и России в эпоху Просвещения. Дар автора как историка и культуролога раскрылся в предлагаемых читателю живых образах поэта Пауля Флеминга, посетившего Россию в XVII веке, ученого-энциклопедиста Готфрида Вильгельма Лейбница, разработавшего по просьбе Петра I проект развития науки и образования в России.

Дарование Копелева как политического публициста ярко проявилось в его диалоге с писателем и историком Г. Кёненом (Франкфурт-на-Майне), по-своему продолжающем тематику бесед Льва Копелева с Генрихом Бёллем [Böll, Kopelew: 1981]. Копелев подвергает резкой критике и достаточно широко распространенную в кругах западной интеллигенции 1920-х гг. ложную идеализацию Советской России, и ставшую модной в последние годы интерпретацию нашей страны как «империи зла». Речь в беседе идет — согласно тематике тома (последнего подготовленного к печати при жизни Копелева) — о воздействии русской революции на Германию и германскую культуру, но собеседники, далеко выходя за эти рамки, ведут заинтересованный разговор о сегодняшних судьбах России и Германии, о сходных задачах народов обеих стран по преодолению «образов врага», по извлечению уроков из тоталитарного прошлого. Собеседники вносят, таким образом, свой вклад в неоконченный «спор историков» о природе тоталитарных режимов.

История XX века заканчивается, по определению Копелева, «не гармоническим финальным аккордом, а многими вопросительными знаками». Как случилось, — вопрошаet автор, — что именно в Германии и в России «выросли из совсем разных исторических корней и во многом противоположных социальных конstellаций тоталитарные режимы, которые при всех различиях во многом родственны по идеологически и прагматически мотивированной безоглядной бесчеловечности во внешней и внутренней политике, особенно же в борьбе против истинных и мнимых противников?» [Копелев, 2002: 197—198].

Принципиально важен вывод Копелева о том, что с «образом врага» можно покончить прежде всего средствами культурного общения: недружелюбие, противоборство русских и немцев «остаются в своем хронотопе, в своем разделе истории, ограниченном временем и пространством», но «духовные связи... остаются, напротив, непреходящими» [Там же: 185]. Копелев четко выступает против одностороннего выпячивания позитивных аспектов связей двух государств (немцы образно говорят в таких случаях о «шоколадной стороне» явлений), говоря: оба народа «должны посмотреть назад, на Сталинград и многие страшные события 1941—1945 гг., на Аушвиц и Бабий Яр, на преступления СС и вермахта в оккупированных областях» [Там же: 186]. Россия, писал Копелев, «нуждается не в подачках, а в сотрудничестве во всех областях. И это нужно не только России, это нужно и Германии, и всей Европе» [Там же: 187].

Существенно важно, что и общая подготовка русского издания, и основательный биографический очерк о Копелеве, и перевод ряда его статей принадлежали старейшине российских германистов, председателю Центра германских исторических исследований Я. С. Драбкину, дружившему с Л. З. Копелевым более полувека, — с первых недель Великой Отечественной войны [Драбкин, 1997: 6]. В книге предпринята попытка «осмыслить масштаб вклада Копелева в сокровищницу мировой культуры, а — самое важное — сохранить и в меру возможности продолжить хотя бы некоторые из главных дел его бурной жизни, оставшихся незавершенными» [Копелев, 2002: 33—34].

Налицо парадокс: идеи Вуппертальского проекта, замыслы, рожденные в недрах российской культуры и отражающие коренные тенденции ее развития, приходят к нам из-за рубежа, а тексты

российского ученого публикуются в переводах с немецкого. Но это — парадокс «холодной войны» и ее трагических последствий, печальный результат политического курса советского руководства, буквально выдавившего из нашей страны Льва Копелева и других талантливых людей.

Копелев отмечает, что Вуппертальский проект, являясь началом глубокого исследования российско-германских культурных взаимосвязей, конечно же, «оставляет открытыми многие вопросы, на которые наши предшественники давали очень спорные, различные и противоречивые ответы» [Там же: 197]. Внутренне противоречивая история германско-российских взаимосвязей, заключает Копелев, содержит «такие предостережения и импульсы, как никакая другая» [Там же: 212]. Копелев сделал для примирения народов России и Германии больше, чем многие государственные и общественные деятели и организации. Изучение собранного Копелевым богатейшего опыта развития российско-германских отношений особенно актуально в настоящее время, когда эти отношения переживают глубокий кризис.

Список источников

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Бёлль Г., Копелев Л. Почему мы стреляли друг в друга? СПб.: Владимир Даль, 2016. 415 с.
- Генрих Бёлль, Лев Копелев. Переписка. 1962—1972. М.: libra, 2017. 380 с.
- Гугнин А. А. Вуппертальский проект «Германия и немцы глазами русских» и его историко-культурное значение // Немцы в России: Историко-культурные аспекты: сб. ст. М.: Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН, 1994. С. 6—22. (Серия «Теория и история культуры»).
- Драбкин Я. С. Памяти Льва Копелева // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 113—121.
- Евтушенко Е. А. Последний идеалист // Л. З. Копелев. Поэт с берегов Рейна. Жизнь и страдания Генриха Гейне. М.: Прогресс-Плеяда, 2004. С. 469—471.
- Лев Копелев и его Вуппертальский проект / под ред. Я. С. Драбкина. М.: Памятники исторической мысли, 2002, 224 с.
- Хавкин Б. Л. Рец.: Г. Бёлль, Л. Копелев. Почему мы стреляли друг в друга? СПб.: Владимир Даль, 2016, 415 с. // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 240—242.
- Böll H., Kopelew L. Mit Beitr. K. Bednarz. Warum haben wir aufeinander geschossen? Bornheim-Merten: Lamuv-Verlag, 1981. 222 S.

West-Östliche Spiegelungen: Russen und Russland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von L. Kopelew. Reihe A: Russen und Russland aus deutscher Sicht; Reihe B.: Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. München: Wilhelm Fink Verlag, 1985—1998.

References

- Bakhtin, M. M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Böll, G. and Kopelew, L. (2016), *Pochemu my streliali drug v druga?* [Why Did We Shoot at Each Other], Vladimir Dal', St. Petersburg, Russia.
- Böll, H. and Kopelew, L. mit Beitr. Bednarz, K. (1981). Warum haben wir aufeinander geschossen?, Lamuv-Verlag, Bornheim-Merten, Germany.
- Drabkin, Ya. S. (1997), ‘In Memory of Lev Kopelev’, *Novaia i noveishaiia istoriia* [Modern and Contemporary History], no. 6: 113—121.
- Drabkin, Ya. S. (2002) (ed.), *Lev Kopelev i ego Wuppertal'skii proekt* [Lev Kopelew and His Wuppertal Project], Pamiatniki istoricheskoi mysli, Moscow, Russia.
- Gugnin, A. A. (1994), ‘Wuppertal Project “Germany and the Germans through the Eyes of Russians” and its Historical and Cultural Significance’, in *Nemtsy v Rossii: Istoriko-kul'turnye aspekty: sornik statei* [Germans in Russia: Historical and Cultural Aspects: Collection of Articles], Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia: 6—22 (Series “Theory and History of Culture”).
- Heinrich Böll and Lev Kopelev (2017), *Perepiska. 1962—1972* [Correspondence. 1962—1972], libra, Moscow, Russia.
- Yevtushenko, E. A. (2004), ‘The Last Idealist’, in Kopelew, L. Z. *Poet s beregov Reina. Zhizn' i stradaniia Genrikha Geine* [A Poet from the Banks of the Rhine. The Life and Sufferings of Heinrich Heine], Progress-Pleiada, Moscow, Russia: 469—471.
- Khavkin, B. L. (2017), ‘Review: G. Bell', L. Kopelev. *Pochemu my streliali drug v druga?* SPb.: Vladimir Dal', 2016, 415 s. [G. Böll, L. Kopelew. Why Did We Shoot at Each Other? St. Petersburg: Vladimir Dal, 2016, 415 p.], *Novaia i noveishaiia istoriia* [Modern and Contemporary History], no. 1: 240—242.
- Kopelew, L. (1985—1998) (ed.), West-Östliche Spiegelungen: Russen und Russland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert. Reihe A: Russen und Russland aus deutscher Sicht; Reihe B.: Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. Wilhelm Fink Verlag, München, Germany.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Б. Л. Хавкин — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, факультет международных отношений, Институт международных отношений и политических наук, Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.

B. L. Khavkin — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations, Institute of International Relations and Political Science, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.